

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. Н. Барциц

Конституционный дизайн

*Образ государства
и образ эпохи*

Издательский дом ДЕЛО |

Москва | 2018

УДК 34
ББК 67
Б26

Об авторе:

Игорь Нязбеевич Барциц, доктор юридических наук, профессор,
директор Института государственной службы
и управления РАНХиГС

Барциц, И. Н.

Б26 Конституционный дизайн: образ государства и образ эпохи /
И. Н. Барциц. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 60 с. — (На-
учные доклады: государство и право).

ISBN 978-5-7749-1386-2

Доклад посвящен осмыслению, раскрытию и описанию феномена «конституционный дизайн» в конституционной теории и практике в части его использования для оценки эстетики, красоты и топологии конституции, а также средств юридической лингвистики и юридической техники. Особое внимание уделено вопросам эволюции самого дизайна конституций, конституционно-правовой мысли и их обусловленностью глубинными изменениями в развитии общества, права и культуры.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-7749-1386-2

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2018

Содержание

Введение	5
Общее понятие дизайна	7
Понятие «конституционный дизайн»: право на существование	10
«Конституционный дизайн» / «конституционная модель».	13
Образ государства и образ эпохи	16
От конституции государства к конституции общества	21
Универсализация и развитие компаративистики	23
«Красота» в терминах конституции.	34
Критерии анализа феномена «конституционный дизайн»: эмпирические и эстетические правила	42
Послесловие: о конституционном дизайне без метафор	50
Список литературы	53

Введение

Конституционный акт можно сравнить с гипсовой маской или слепком, снимаемым с живого лица действительности. Но, в отличие от гипсовой, конституционная маска не только отливается по своему оригиналу, но в значительной степени определяет дальнейшее развитие его черт.

В. Н. Дурденевский [11, с. 9]

Конституции созданы, а не найдены. Они не падают чудесным образом с неба и не растут естественным образом на лозе. Они человеческие творения, продукты договоров, выбора, конкретной истории конкретного народа и (почти всегда) политической борьбы, в которой одни выигрывают, а другие проигрывают. Несомненно, в этом русле следует утверждать, что наша конституция есть больше то, что мы делаем, нежели то, что мы создаем: мы (ре)формируем ее все время через нашу коллективную деятельность.

Анна Ф. Питкин [67, p. 168]

Как должна выглядеть конституция? Должна ли она, представляясь Основным законом, по своей форме и своему содержанию отражать особенности государства и народа, которым призвана служить? Существует ли универсальный проект, который мог бы стать эталоном или послужить лекалами при проектировании новых конституционных текстов?

Почему в печатном виде конституции Бразилии и Индии образуют увесистый том, в котором могли бы поместиться все конституции европейских государств? Почему Конституции США удается успешно защищаться от изменений на протяжении двух с половиной веков, а Франция и Россия регулярно прибегают к воплощению своих основных законов в новой текстовой версии? Почему Основной закон Германии, Испании и Италии можно прочитать, а представителям Великобритании и Израиля приходится объяснять, что вкладывается в понятие «неписаная конституция»?

Перечень вопросов, приводящих к выводу, что не существует универсальной формы, в которой наилучшим образом могут быть урегулированы конституционные отношения, отражено все многообразие конституционной теории и практики, можно продолжать исключительно долго. Не сформирован и идеальный образ того, как должна выглядеть конституция государства в своем описании, какие правовые средства должны быть использованы при ее разработке, проектировании, выражении в словах и закреплении на бумаге — то есть каким должен быть дизайн конституции. Этого понимания нет в научной литературе, следовательно, его нет в конституционных доктринах различных государств и в конституционной практике.

Многообразие концептов построения конституций (так называемый конституционный дизайн) и их существенные различия, даже с учетом тенденций глобализации и универсализации, заимствование тех или иных подходов, а иногда и формулировок (в силу миграции конституционных идей) проектировщиками конституций вообще ставят вопрос о том, возможен ли идеальный (совершенный и оптимальный) дизайн конституции. Нет единства в оценках самой допустимости использования понятия «конституционный дизайн»: если Гюнтер Франкенберг приходит к позитивному утверждению: «В соответствии со стандартными словарями термин “дизайн” охватывает с изрядной долей точности то, как происходит разработка конституции, и совсем не является стилистической фигурой или надуманной аналогией» [43, с. 153], то Томас Гинсбург находит весомые доводы для оспаривания такой возможности: «Дизайн подразумевает технократическую, архитектурную парадигму, которая не вписывается в грязные реалии социальных институтов, и особенно в конституционный процесс» [61, р. 1].

Общее понятие дизайна

Словари дают преимущественно схожие определения:

Дизайн (от англ. Design — проектировать; чертить; задумать; а также проект; план; рисунок) — термин, обозначающий разновидность художественно-проектной деятельности, охватывающей создание промышленных изделий и рациональное формирование целостной предметной среды. Методы дизайна, связывающие потребительские и эстетические качества предметов и объектов, предназначенных для непосредственного использования человеком, с их оптимальными структурой и технологией изготовления, могут оказывать определенное воздействие на решение таких важных социальных проблем, как функционирование производства и потребления, существование людей в мире окружающих их предметов [33, 6].

Дизайн — деятельность по художественному конструированию предметов, проектированию внешнего облика различных изделий [12, с. 209].

Дизайн — художественное конструирование предметов; проектирование эстетического облика промышленных изделий [37, с. 167].

Дизайн, — а; м. 1. Проектирование художественных форм, внешнего вида изделий, производимых промышленностью, фасадов зданий, интерьеров помещений и т. п.; художественное конструирование. Современный д. Художник по дизайну. Заниматься дизайном. 2. Разг. Художественно оформленный внешний вид изделия. Любоваться дизайном автомобиля [2, с. 258].

Просуммируем: дизайн— это, во-первых, род и содержание определенной целенаправленной деятельности и, во-вторых, результат такой деятельности. Конституционно-правовое приспособление общеупотребимого понимания дизайна не противоречит его сущности и основным признакам. Представляя процесс создания конституции как некую активность государственных деятелей, правоведов, граждан и их объединений по формированию системы регулирования общественных отношений, выбору моделей формы государства, государственного устройства, политического режима, вполне можно употребить понятие «дизайн» для характеристики этого воистину творческого процесса. И не только самого процесса, но и сформированного по его итогам результата. Этим же термином можно описать деятельность по разработке текста конституции, процесс выбора юридических средств при создании основного закона и достигнутый результат— конкретный правовой акт высшей юридической силы.

Учитывая многозначность (полисемичность) понятия «дизайн», следует обозначить подходы к его употреблению в формате «конституционный дизайн» применительно к конституции (Основному закону) государства:

- 1) в отношении текста конституции: как уже достигнутый или находящийся в стадии проектирования результат (ожидаемо искомый в процессе проектирования и обсуждения текста конституции), выражаемый в ответах на вопросы (в раскрытии того), как визуально оформлен средствами юридической лингвистики и юридической техники (с учетом юридической психологии) и в какой топологии (логике, логистике) выстроен текст конституции;
- 2) в отношении процесса разработки и проектирования конституционных актов: как деятельность государственных и общественных институтов универсальной компетенции или специально созданных для разработки конституционного акта, внесения в него изменений, как перечень механизмов согласования и подтверждения юридической силы всего конституционного акта или его составных частей;
- 3) применительно к тем объектам, отношениям, деятельности, феноменам, процессам и событиям, которые фундаментально урегулированы конституцией государства, выстроены на основе ее императивов и исходя из таковых. В этом формате уместнее

применять конструкцию «конституционной архитектуры» как некоей фундаментальной системы саморегуляции (гомеостаза) конституционного порядка [32], глубинных закономерностей построения государства, властеотношений, взаимодействия государства с институтами гражданского общества и личностью.

В настоящем очерке осмыслению, раскрытию и описанию подвергнется конституционный дизайн в одном из трех отмеченных значений, наиболее доступном для эмпирического осознания: оценке конституционного текста.

Это предполагает анализ вопросов:

- а) компактности / детализированности / развернутости текста конституции;
- б) структурирования текста (нормативной «материи») конституции (сколько частей, глав, разделов, статей, пунктов, подпунктов составляют структуру конституции, как они выстроены);
- в) расстановки акцентов, артикуляции отдельных содержательных позиций;
- г) визуальной соотносимости по объему частей текста конституции;
- д) предельных максимальных и минимальных мер объемности, соответственно, частей, глав, разделов, статей, пунктов, подпунктов конституции, предельных максимальных и минимальных мер длины формулировок конституционных норм;
- е) эргономичности текста конституции;
- ж) красоты, эстетики визуальной гармоничности, насколько это вообще возможно, уместно и осуществимо — юридической поэтичности текста конституции.

Понятие «конституционный дизайн»: право на существование

«Конституции не падают с неба и не являются таинственным образом своим основателям. Вместо этого они спроектированы, основаны, созданы, сконструированы и, конечно же, разработаны», — утверждает Г. Франкенберг [57, р. 537–542; 43, с. 152], предваряя анализ самого права на существование понятием «конституционный дизайн», послужившего названием книги (сборника статей) под редакцией Т. Гинсбурга. Соответствуя подобному художественному ремесленному подходу, Т. Гинсбург на обложке книги «Comparative Constitutional Design» размещает гравюру времен французской революции (1789 г.) из коллекции Британского музея, изображающую представителей трех сословий, в прямом смысле выковывающих конституцию на наковальне.

Технократический подход, зачастую маскируемый в терминах неоинституционализма, привлекает своей наглядностью и зримостью. Современной науке в целом, в том числе и современной теории права и государства, присуще использование образного языка, понятий ассоциативного ряда, свойственных иным направлениям знания, науки и даже искусства и техники.

Конструирование государственных институтов все более и более осуществляется на универсальных теоретико-правовых доктринах. Создание

конституций, формирование и развитие политических режимов в условиях облегчения доступа к изучению и анализу опыта других стран (эффективное и эффективное развитие сравнительного правоведения, конституционной компаративистики) демонстрируют активное заимствование и адаптацию различных конституционных механизмов, институтов, которые сложились в других государствах и других правовых системах. При этом в процессе подобного конструирования все более и более применяются архитектурные понятия, принципы и методы дизайна переносятся в регулирование общественных отношений. Это придало архитектурной метафоре «конституционный дизайн» статус законорожденного правового понятия. В конце концов различные иные метафоры («конституционный обычай», «конституционная мысль», «конституционное строительство», «конституционная жизнь» и т. п.) прижились и стали столь привычными, что про их внеправовое происхождение не вспоминают. Научные понятия исключительно часто основываются на метафорах, имеющих технические, культурные, физические и даже бытовые основания [18, с. 25–43].

Концепция конституционного дизайна позволяет не только посмотреть на государственные институты и теоретические философские доктрины через эстетику архитектуры и математики, но и применить ее в конструировании явлений социальной действительности, экономики, права.

В своей технократической составляющей концепция конституционного дизайна перекликается со значительно более успешной в своем пиар-продвижении теорией дизайна механизмов и, как их частного вида, экономических механизмов. Эрик Маскин, удостоенный в 2007 году «за разработку основ теории оптимальных механизмов (mechanism design theory)» вместе с Лео (Леонидом) Гурвицем (Leo Hurwicz) и Роджером Майерсоном (Roger Myerson) Нобелевской премии по экономике, вспоминает «о конституции страны как о наиболее фундаментальном слое. Конституция сама по себе является механизмом, который определяет, что власти могут и не могут делать, в каком случае они должны сложить с себя полномочия и как другие ветви власти ограничивают их влияние»¹.

¹ См.: Теория экономических механизмов. Интервью с лауреатом Нобелевской премии по экономике 2007 года Эриком Мэскином об одном из разделов теории и др: <https://postnauka.ru/talks/9281>

В данном случае имеется в виду «слой проектирования», так как именно государство и его органы выступают авторами большинства социальных механизмов.

Особой перспективой обладает перенос в юриспруденцию и в социальные науки главного содержания теории экономических механизмов — возможностей «обратного проектирования». Создателям конституций, конституционно-правовых институтов и моделей надлежит прежде всего сформировать «образ желаемого будущего» [46] государства и общества, сформулировать подлежащие решению задачи, а затем, как бы возвращаясь назад, в современность, спроектировать процедуры, институты и механизмы, посредством которых эти цели должны быть достигнуты.

«Конституционный дизайн»/ «конституционная модель»

Концепт «конституционного дизайна» преимущественно разрабатывается представителями англосаксонской правовой традиции [см.: 65, 52, 59, 55, 56, 71, 60, 62, 66, 51, 64]. «Злоупотребление» данным понятием российскими авторами несравнимо скромнее, причем преимущественно в ходу термин «институциональный дизайн», предполагающий перенос внимания с анализа конституционной архитектуры на систему политических институтов [1, с. 129–133; 3, с. 159–180; 7, с. 6–15; 16, с. 29–45; 26, с. 134–137; 30, с. 214–247; 31, с. 81–84; 34, с. 87–97; 39, с. 46–704; 40, с. 246–253; 41, с. 72–76]. В данном русле размышления о конституционном дизайне сводятся к переживаниям степени смешанности отечественной президентско-парламентской модели в широком диапазоне между полюсами президентской и парламентской республики [27].

В отечественном правоведении сохраняется и подтверждает свой статус основного при типологии моделей государственного и общественного развития формационный подход. На основе анализа предложенной Ю. А. Юдиным [48, с. 49] типологии краткое описание подобного формационного подхода выглядит следующим образом: буржуазные конституции (первый этап) сменяются социалистическими (второй этап), тем самым «единый процесс конституционного развития оказался разделенным в результате создания социалистического тоталитарного общества и государства “диктатуры

пролетариата” в России, после наступает эпоха постколониальных конституций, связанная “с созданием более 130 новых государств в Азии, Африке, Латинской Америке и Океании в результате ликвидации колониальной системы и принятия конституций в освободившихся странах”, а в конце XX века приходит время постсоциалистических конституций: “это крушение колониальных и авторитарных режимов в большинстве социалистических и развивающихся стран и вступление их на путь демократических преобразований”». Каждому из обозначенных четырех этапов соответствуют разные модели конституции: модели буржуазной и социалистической конституций, конституций первой и второй волны третьего этапа (период крушения колониализма и принятия конституций новыми государствами), а также модель постсоциалистической конституции.

При всей значимости и традиционности для отечественного правоведения формационного взгляда на историю развития человеческого общества применительно к конституционному развитию этот подход не объясняет, а чем, собственно, с точки зрения конституционно-правовой доктрины отличаются и отличаются ли вообще конституции буржуазные от социалистических, постколониальные — от постсоциалистических. Используют ли они одинаковые или отличные друг от друга правовые конструкции? Действительно ли различия социально-экономических формаций приводят к различиям в конституционно-правовой материи? Не возвращаемся ли мы к примату идеологического сопровождения при анализе политико-правовых явлений?

Не вдаваясь в историю становления формационной теории, можно утверждать, что современные государства все меньше и меньше могут быть отнесены к тому или иному типу с точки зрения социально-экономической формации. Государства различных политических режимов и экономических устоев используют одинаковые (схожие) конституционные конструкции, тогда как страны, близкие по уровню социально-экономического развития, структуре экономики и политическим режимам, в силу различий правовых традиций и истории становления правовых систем обращаются к различным конституционным моделям.

Термин «конституционная модель», детально проработанный Т. Я. Хабриевой и В. Е. Чиркиным, предусматривает классификацию конституций не в связи с изменением социально-политической

картины мира, а на основе исследования новых конституционно-правовых институтов:

Конституционная модель—явление, возникающее на определенном этапе развития человечества (а не в какой-либо отдельной стране, хотя она и может возникать и, как правило, возникает, в отдельной стране (народ которой, создатели конституции обнаружили, открыли, уловили «вызовы» общественного развития) [38, с. 43–49; 44, с. 15–16; 14].

Именно появление новых конституционно-правовых доктрин, конституционно-правовых институтов является основанием для изменений правовых конструкций и представления новых видов конституционного дизайна. Правящий князь Лихтенштейна Ханс-Адам II утверждает:

Современное государство—это сложная конструкция, состоящая из множества систем, которые должны быть настроены в унисон друг с другом. Можно сравнить государство с крупной коммерческой авиакомпанией. Коммерческий авиаперевозчик перевозит пассажиров через расстояния, тогда как государство переносит своих пассажиров—народ—через время. Если воздушное судно плохо спроектировано и имеет тенденцию время от времени терпеть крушение, специалисты пытаются исправить недостатки конструкции, а не обвиняют пилота и пассажиров. В случае с государствами часто обвиняют политиков или тех, кто их выбирал, вместо того чтобы спроектировать государственную систему, которая была бы как можно более безопасной и в случае катастрофы предоставляла бы своим пассажирам больше шансов выжить [45, с. 133].

Образ государства и образ эпохи

Предназначение дизайна — сделать полезное и практичное красивым. Поэтому размышления о конституционном дизайне неминуемо приводят к пониманию эстетики конституционных актов, красоты и стиля, к отражению в документах образов государств и исторических эпох.

Исследование и сравнение конституционно-правовых моделей различных государств в разные исторические эпохи предполагают использование широкого набора методов. Но прежде всего надлежит прочесть текст Основного закона, в результате чего в зависимости от степени профессионального опыта, эмоционального интеллекта и уровня развития ассоциативного мышления непременно складывается некий образ страны (государства и общества), образ эпохи, которую сопровождает этот закон. Так, прочтение преамбул двух отечественных конституций позволяет ощутить эпохи, в которых они принимались, и политические режимы, которые эти документы были призваны охарактеризовать:

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная рабочими и крестьянами России под руководством Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным, свергла власть капиталистов

и помещиков, разбила оковы угнетения, установила диктатуру пролетариата и создала Советское государство — государство нового типа, основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма. Начался всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму. Одержав победу в гражданской войне, отразив империалистическую интервенцию, Советская власть осуществила глубочайшие социально-экономические преобразования, навсегда покончила с эксплуатацией человека человеком, с классовыми антагонизмами и национальной враждой. Объединение советских республик в Союз ССР преумножило силы и возможности народов страны в строительстве социализма... Ярким проявлением силы социализма стал немеркнущий подвиг советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне.

Преамбула Конституции Союза Советских
Социалистических Республик 1977 года

Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Преамбула Конституции Российской Федерации 1993 года

Эмоциональный настрой, используемые правовые категории и речевые обороты, обращение к конкретным историческим событиям создают образ времени и государства в это время. Яркость и зримость этих образов еще раз обосновывают допустимость

использования понятия «дизайн» применительно к конституционно-правовой материи. Так, при прочтении текста преамбулы советской Конституции в голове проносятся свойственные той эпохе символы и образы: красный стяг с серпом и молотом, пятиконечная звезда, знамя Победы, чеканная стилистика революционного авангарда. Также за этими словами встают образы кровавых революции и гражданской войны, раскулачивания и сталинских репрессий. От прочтения преамбулы российской Конституции веет стремлением к восстановлению государственного и человеческого достоинства, надеждой на лучшее будущее, зрительные образы отсылают к тысячелетней истории и государственной традиции российского народа. Конституция России 1993 года — это не о стране начала 1990-х, это — взгляд страны в будущее.

Конечно, любые ассоциации и образы глубоко личностны, субъективны. Но применительно к конституционным памятникам эпохи эстетика и ассоциативный ряд несут объединяющий миллионы человек характер. Посредством Основного закона государство обращается к своим гражданам, к международному сообществу с заявлением: такими мы представляем себя, свое государство, к такому состоянию страны идем, хотим, чтобы мир нас воспринимал такими. Мы не только прибегли для закрепления этого своего стремления к праву, но и закрепили этот образ в Основном законе, придав ему высшую юридическую силу.

Четверть века, прошедшая с момента принятия действующей Конституции Российской Федерации, — срок, достаточный для того, чтобы оценить пройденный путь, понять собственные достижения и ошибки.

Очевиден цивилизационный выбор России, конституционно закрепившей в качестве цели построение демократического правового социального государства. Конституция Российской Федерации 1993 года учредила необходимый для государственного развития каркас институтов власти, тем самым выполнив возложенную на нее учредительную функцию в обоих ее пониманиях: во-первых, были образованы новые властные институты; во-вторых, уже существовавшие получили подтверждение своей легитимности и были наполнены новым содержанием.

Конституция Российской Федерации 1993 года учредила в стране демократическую модель организации государственной власти с учетом принципа разделения властей в его функциональном

понимании. Но в том и состоит особенность конституционного регулирования, что конституция и развивающие ее нормативные акты закрепляют конституционные доктрины и по преимуществу формальные правовые институты — правовые статусы и организационные структуры.

Отводя конституции роль «образа желаемого будущего», мы сознательно соглашаемся с высокой степенью декларативности ее многих положений, что позволяет говорить и о немалой степени фиктивности. Это, в свою очередь, обуславливает признание: содержащийся в Основном законе образ страны, закрепленный дизайн государственно-правовой модели может быть разительно далеким от фактического состояния, что приводит к использованию классического сравнения с «потемкинскими деревнями». Так, характеризуя советский период, П. Желар пишет, что он «мог бы привести к созданию новой конституционной модели, опирающейся на принципы, фундаментально отличные от западных принципов конституционного права», но не привел, а демократические положения советских конституций стали только декорацией, «потемкинскими деревнями» [58, р. 27].

Одним из самых наглядных примеров подобного разрыва между желаемым, представляемым конституционным дизайном и реальным состоянием государства и общества является образ Советского Союза в Конституции 1936 года. Если конституции РСФСР 1918 года и СССР 1924 года достаточно откровенно закрепляли принципы «диктатуры пролетариата», ограничения избирательных прав, «настаивали на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации», призывали к «мировой революции», то Конституция 1936 года, вошедшая в историю с негативным притяжательным прилагательным «сталинская», многими деятелями культуры и даже многими западными правоведами расценивалась как документ, возвращающий Россию на путь общедемократических ценностей [23, с. 122–138; 21, с. 28–38]:

Советский Союз имеет два лица. В борьбе лицо Союза — суровая беспощадность, сметающая со своего пути всякую оппозицию. В созидании его лицо — демократия, которую он объявил в Конституции своей конечной целью. И факт утверждения Чрезвычайным съездом новой Конституции как раз в промежутке между двумя процессами — Зиновьева и Радека — служит как бы символом этого [42].

Лион Фейхтвангер,
выдающийся немецкий писатель

Эта Конституция показывает всему миру, что СССР окончательно победил косные силы, оставшиеся от старого строя. Это — установление настоящей демократии... Это проведение в жизнь великих лозунгов, до сих пор являвшихся только мечтой человечества — свободы, равенства и братства [Цит. по: 35, с. 40].

Ромен Роллан, французский писатель,
лауреат Нобелевской премии по литературе

Это слова о конституции, принятой не просто «между двумя процессами — Зиновьева и Радека», а в один из самых ужасающих этапов отечественной истории — массовых репрессий, функционирования ГУЛАГа, уничтожения крестьянства и голодомора. Конституции СССР 1936 года удалось создать привлекательный образ государства: ее конституционный дизайн с точки зрения содержания можно признать самым прогрессивным с учетом закрепления перечня социально-экономических (право на труд, на отдых, на материальное обеспечение в старости и в случае потери трудоспособности, на бесплатное образование всех видов, включая высшее, на бесплатную медицинскую помощь) и политических (всеобщие равные прямые выборы при тайном голосовании во все органы власти, свобода совести, слова, печати, собраний и митингов, неприкосновенность личности и тайна переписки) прав, весьма демократично выглядят в конституции принципы федеративного государственного устройства. Даже Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) упоминается в ней всего один раз в статье 126: «... передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся». Предполагалось, что выборы 1937 года в Верховный Совет СССР пройдут на альтернативной основе, однако разработанный и утвержденный Политбюро ВКП(б) образец избирательного бюллетеня пригодится лишь спустя полвека в ходе выборов народных депутатов 1989 года.

От конституции государства к конституции общества

Даже при исключительно критическом восприятии утвердившегося в ходе разрушения Российской империи и гражданской войны коммунистического (большевистского) политического режима невозможно отрицать революционного характера прорыва в конституционной-правовой доктрине, совершенного первыми советскими конституциями. Приятно сознавать, что советская конституция — Конституция РСФСР 1918 года — вошла в историю как один из первых конституционных актов, отошедших от подхода, согласно которому предназначение конституции виделось исключительно в декларировании суверенной формы государства и урегулировании системы взаимоотношений между различными органами (ветвями) государственной власти. Номинально этот прорыв можно определить как переход от первой модели конституционного дизайна — модели «конституции государства» — к новому концепту «конституции общества».

Хотя немного обидно признавать приоритет в формировании такой модели за другой революционной конституцией — Конституцией Мексиканских Соединенных Штатов от 5 февраля 1917 года. Именно Конституция Мексики впервые закрепила широкий перечень социально-экономических прав для граждан республики, среди которых 8-часовой рабочий день, закрепление минимальной заработной платы и права на социальные выплаты, еженедельный день отдыха,

ограничение использования труда женщин и детей (подростков), ежегодные отпуска, послеродовой отпуск для женщин. В перечне политических прав мексиканская конституция предусмотрела право на создание профсоюзов и забастовки.

Компенсацией подобной обиды может стать понимание, что, если две страны, расположенные на разных континентах, в различных социально-экономических условиях и с различными политическими режимами, приходят к новому, но имеющему много общего между собой, типу конституции, следовательно, можно выявить закономерный характер появления новой модели конституционного дизайна. Отныне конституции призваны урегулировать основные общественные отношения, отразить подход государства к политическим, социально-экономическим и культурным правам человека и гражданина, предоставить видение перспективы развития этого государства и общества. Таким образом, с содержательной точки зрения история конституционного развития выделила именно эти две основополагающие модели основных законов. Принятие конституций Мексики 1917 года и РСФСР 1918 года ознаменовало переход ко второму этапу становления системы конституций (основных законов) современности.

За конституциями Мексики и России последовали Веймарская конституция 1919 года, Конституция Австрийской Республики 1920 года, Чехословацкой Республики 1921 года, в которых также нашли отражение социально-экономические права граждан, конституционному осмыслению подверглись доктрины народного суверенитета, социальной справедливости, свободы.

Универсализация и развитие компаративистики

Наиболее интересным в истории дизайна конституционно-правовых актов является послевоенное (после Второй мировой войны) время. Это — период принятия наибольшего числа конституций, их достаточно частой смены, поиска новых форм выражения явлений социальной действительности. Это же и время расцвета компаративистики, когда об универсализации уже начали рассуждать, но лекала подобной универсализации еще не были выработаны. Разные страны вступили в этот этап в различных экономических и политических условиях и, что неизмеримо важнее, в разных статусах с точки зрения итогов завершившейся войны: среди них были и державы-победительницы, страны антигитлеровской коалиции, и побежденные страны, страны-сателлиты Германии и Японии. Среди особенностей этого этапа — разделение сфер влияния между политическими «западом» и «востоком» в рамках Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

Особую яркость этому процессу придало то обстоятельство, что к конституционному моделированию приступили страны с интереснейшей историей развития права в целом и конституционно-правовой доктрины в частности: Франция (Конституция 1946 года), Италия (Конституция 1946 года), Германия (Основной закон 1949 года). Последовала череда принятия конституционных актов в государствах Западной (страны,

находившиеся под контролем США) и Восточной Европы (страны, оказавшиеся под контролем СССР).

Естественно, роль держав-победительниц в процессе принятия конституций не ограничивалась влиянием их правовых доктрин и действовавших конституций. Американские конституционалисты нашли приложение своих усилий при моделировании основных законов Японии (наиболее жестко), Германии и Италии [24]. Советские юристы вполне зримо воздействовали на процессы разработки и содержания основных законов государств, которые на четыре последующих десятилетия образовали блок «стран народной демократии» [5; 8; 13; 15]: Югославии (1946); Чехословакии (1948), Румынии (1947 и 1952), Польши (Малая Конституция 1947 года и Конституция Польской Народной Республики 1952 года), Венгрии и ГДР (1949).

Наибольший интерес для анализа характерных черт конституций этой исторической эпохи представляют Основной закон ФРГ и Конституция Японии — конституционные акты государств, не просто потерпевших поражение во Второй мировой войне (история человечества — это последовательность войн, в которых одни страны считали себя победителями, другие — старались минимизировать издержки поражения), но, вероятно, впервые в мировой истории проигравшие страны не просто несли территориальные потери, финансовые издержки и политические ограничения, но были признаны виновными в преступлениях против человечности, а их руководители предстали перед международным судом. Но даже в этих условиях, разрушенные и униженные, эти страны должны были выработать новые конституционно-правовые рамки своего будущего, представить миру свой образ этого будущего.

Япония предприняла попытки сохранить практически в неизменности Конституцию Японской империи 1889 года, более известную как Конституция Мэйдзи. Но американской военной администрацией (бригадным генералом Кортни Уитни (Courtney Whitney) и подполковником Майло Роуэллом (Milo Rowell) был подготовлен проект новой конституции, во многом построенной на доктрине американского конституционализма, который и был представлен на рассмотрение японскому парламенту. Американизированная версия Конституции Японии содержит значительный по объему и детализации перечень прав и свобод человека, причем заимствовались не столько положения самой Конституции

США, учитывая ее исключительную лаконичность в данном вопросе, сколько наработки судебной практики в США к этому времени. Модель Верховного суда Японии практически в неизменном виде копирует свой образец — Верховный суд США [69, р. 322]. В целом считается, что многие послевоенные конституции восприняли идею американского судебного надзора, переработав ее механизмы и практику применительно к своим правовым системам.

В то же время ряд исследователей отмечает учет наработок советской конституционной доктрины, в частности считается, что закрепление равноправия мужчин и женщин в японской конституции произошло под влиянием положений советской Конституции 1936 года [17]. Впрочем, признание американской селекционной работы при разработке японской конституции не мешает японцам считать Конституцию 3 мая 1947 года серией поправок к Конституции Мэйдзи.

Германия — страна великой правовой культуры, давшая половину названия правовой системы (романо-германская) — не могла позволить себе вернуться к наработкам и достижениям своей конституционно-правовой мысли, ведь именно дизайн Веймарской конституции позволил Гитлеру демократическим путем получить власть и придал легитимный характер фашистскому политическому режиму. Более того, Веймарская конституция выполняла функции конституции Третьего рейха: в пусть и весьма усеченном формате, она сохранила свою юридическую силу вплоть до 5 июня 1945 года — даты перехода власти к Союзническому контрольному совету. Германия, страна великой правовой культуры (можно повториться), даже не могла позволить себе назвать свой Основной закон «конституцией»! Дабы конституционно не закреплять раздел Германии, министры-президенты одиннадцати земель западной зоны оккупации категорически отказались не только именовать Основной закон «конституцией», но проводить голосование — референдум по его принятию. Причем вопреки настойчивым пожеланиям западных оккупационных держав Тризонии.

Текст Основного закона Германии можно признать своего рода образцом для подражания в смысле того государственного оптимизма и государственной ответственности, который излучает этот документ²:

² Цит. по: Основной закон Федеративной Республики Германия в редакции от 23 мая 1949 года.

Преамбула

...Ко всему немецкому народу обращается призыв довести до конца дело единства и свободы Германии, исходя из принципа свободного самоопределения.

Статья 23

(1) Действие данного Основного закона в настоящий момент распространяется на территорию земель Баден, Бавария, Бремен, Большой Берлин, Гамбург, Гессен, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Шлезвиг-Гольштейн, Вюртемберг-Баден и Вюртемберг-Гогенцоллерн. В остальных частях Германии он вступит в силу после их присоединения.

Статья 116

(1) Если законом не установлено иное, немцем в смысле настоящего Основного закона является каждый, кто обладает германским гражданством, или в качестве беженца или изгнанного лица немецкой национальности, его супруга или потомка нашел убежище на территории Германии в границах, существовавших на 31 декабря 1937 г.

(2) Бывшие граждане Германии, лишённые гражданства в период между 30 января 1933 г. и 8 мая 1945 г. по политическим, расовым и религиозным мотивам, и их потомки подлежат восстановлению в гражданстве по их ходатайству. Они считаются не утратившими гражданства, если после 8 мая 1945 г. поселились в Германии и не выразили иной воли.

Статья 146

Настоящий Основной закон прекратит свое действие в день, когда вступит в силу Конституция, принятая свободным решением немецкого народа.

Задумывавшийся как временный документ, Основной закон ФРГ:

- в эпоху национального унижения утверждал перспективу достижения единства Германии и принятия конституции объединенного государства;
- несмотря на очевидные обвинения в реваншизме, содержал механизмы распространения своего действия и на иные германские земли (сначала эта статья была применена 1 сентября 1957 года при вхождении по итогам проведенного референдума

и Люксембургского договора с Францией в германскую федерацию земли Саар, а осенью 1990 года выступила правовым инструментом поглощения ГДР);

- и главное, объявлял немцами, следовательно, принимал на себя ответственность перед всеми, кто был связан с немецким государством в прошлом и связывал с ним свое будущее.

Этот заряд государственного оптимизма и государственной ответственности достоин уважения, ведь есть и еще один аспект, обуславливающий особое внимание и уважение российских правоведов к создателям Основного закона ФРГ 1949 года и Конституции Японии 1947 года: названные конституционно-правовые акты принимались в государствах, переживших глубочайшие государственные драмы, разрушение предшествовавших форм государств, территориальные потери, в условиях жесточайших экономических кризисов.

Эти условия во многом перекликаются с характеристикой эпохи новейшей истории России в начале 1990-х, в которых разрабатывалась и принималась Конституция Российской Федерации 1993 года. Возможно, с единственной поправкой: Россия не считала себя проигравшей в противостоянии с Западом. Пока россияне тешили себя лозунгами о победе над коммунизмом-тоталитаризмом, во всем остальном мире утвердился взгляд на Россию как на проигравшую сторону в холодной войне со всеми вытекающими для побежденной страны последствиями.

К сожалению, динамизм развития конституционно-правового дизайна, основанного на новых идеях конституционно-правовой мысли, не был поддержан на тех этапах развития конституционной карты мира, когда к процессу создания основных законов приступили страны, освободившиеся от колониальной зависимости. Новые независимые государства зачастую просто копировали основные положения конституций их бывших метрополий или же других государств, не рассматривая серьезно иные альтернативы [64, р. 96].

Так, для целого ряда стран арабского Востока (конституции Египта 1923 года, Ирака 1924, Ливана 1926, Трансиордании 1928, Сирии 1930, Кувейта 1939 года) сам факт принятия конституций еще в период между двумя мировыми войнами признается отражением их полуколониальной зависимости. Презюмируется,

что их собственный исторический опыт к этому этапу развития не мог бы привести к такой форме правового регулирования государственно-политических и социально-экономических отношений. «В годы господства европейских колонизаторов конституции составлялись лишь по западноевропейским форматам (конституция Египта, например, была составлена по образцу Бельгийской конституции 1831 года, конституция Ливана копировала Конституцию Франции 1875 года, иракская конституция синтезировала положения ряда европейских конституций и т. д.)» [36, с. 11].

Соблазна копирования передового опыта не смогли избежать страны Восточной Европы, принимая свои постсоциалистические конституции, и новые независимые государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве. Объективно сегодня разработчики новых конституций государств, расположенных на различных континентах, обладают неизмеримо большими информационными ресурсами и возможностями для изучения и применения, учета достоинств и недостатков апробированных в ведущих странах мира конституционных моделей, чем это имело место в XIX и даже XX веке.

Так, «Google открыл электронный архив, где собраны конституции разных стран мира. По сообщению компании, эта инициатива призвана помочь государствам в составлении текстов своих конституций», — передает ВВС. Отмечается, что особенно полезен ресурс будет для стран, недавно переживших политический или военный конфликт. Например, президент Туниса Монсеф Марзуки, присутствовавший на официальном открытии архива в Нью-Йорке, сказал, что его страна планирует активно пользоваться архивом. Политические силы в Тунисе не могут договориться о проекте новой конституции, необходимость в которой возникла после революции 2011 года...³

Дизайн современных конституций нередко сводится к процессу ЛЕГО-конструирования, а сам процесс выбора исходных элементов низводится до склада одного из символов глобализации — компании ИКЕА:

В зависимости от теоретического подхода всеобщую конституцию можно определить как глобальный резервуар или архив, коллектив-

³ См., напр.: Коммерсантъ. 2013. 24 сентября; www.constituteproject.org

ное конституционное мышление или перечень, или, если на то пошло, супермаркет... Стандартизированные предметы регистрируются, хранятся, выставляются и доступны для покупки составителям конституций во всем мире. Похоже на склад IKEA для материалов конституционного строительства, в котором любой, кто собирается создать, изменить или пересмотреть конституцию, может найти словарь, грамматику, стиль и современный дизайн. Покупатель может приобрести полный политический режим, такой как конституционная монархия или парламентская демократия, или предметы, более ограниченные по охвату, такие как каталог прав, двухпалатная система, институциональное соглашение о пересмотре конституции или о президентской системе, или только один пункт, например политическую доктрину или право на равноправие. У покупателей есть выбор между готовыми изделиями, *grêt à porter*, отдельными частями, которые будут собраны дома, и вдохновляющими идеями, требующими высокой степени конструктивной обработки.

Оказавшиеся на полках склада IKEA универсальные конституционные предметы международного спроса обычно не отсылают к месту своего оригинального производства. Подобно тому, как кроссовки NIKE не содержат отметки «изготовлено детьми в подпольных цехах Мумбая», конституция не будет помечена знаком «идеологический продукт землевладельческой элиты». Каталог прав, моделей представительной демократии, систем судебного контроля, правила внесения поправок и т. д. располагаются в конституционном магазине IKEA в виде обычных описаний учреждений или текстов норм, взятых из конституционных документов [56, p. 14].

За кажущейся практичностью описываемой модели конституционного дизайна плохо скрываются цивилизационное высокомерие и научный снобизм: оставим высокую теорию конституционного права и философию конституционализма «старым западным демократиям», «новым демократиям» в этой модели надлежит лишь выбрать модули из номенклатуры конституционного склада и скомпоновать некий текст. Если воспользоваться тем же стилем мебельных метафор, можно увидеть: как из найденных на складе IKEA корпусов нельзя собрать мебельный гарнитур ручной работы из благородных пород дерева, так и из подобранных на конституционном складе модулей конституционно-правовых институтов нельзя собрать конституцию государства и общества, конституцию народа. Ведь каждое государство, каждый народ, большой или

малочисленный, каждое общество, развитое или развивающееся, богатое или только ставшее на путь первоначального накопления капитала, обладает своей историей, своими традициями, своими достижениями и ошибками, своей гордостью и своим образом будущего.

«Слепое», несочетаемое с уровнем развития общества и экономики, несогласуемое с особенностями различных государств копирование приводит к противоречиям между реальной, действительной конституцией и конституцией писаной, при котором в полной мере подтверждается выведенная еще Ф. Лассалем формула, что в последнем случае писаная конституция — всего лишь «листок бумаги»:

Если у вас в саду растет яблоня и вы повесите на нее ярлык с надписью: сие есть фиговое дерево, — сделается ли яблоня фиговым деревом? Нет, и хотя бы все ваши домочадцы, хотя бы все жители околотка собрались и громогласно, торжественно поклялись и присягнули: сие есть фиговое дерево, — дерево останется, чем было, и на будущий год это окажется, когда на нем вырастут яблоки, а не фиги. То же и с конституцией. Все равно, что ни написать на листке бумаги, если написанное противоречит реальному положению вещей, фактическим отношениям сил [19].

Негативные последствия соблазна копирования значительно меньше иной тенденции, приобретающей все более выраженный характер — «конституционного миссионерства». «Если девятнадцатый век был веком христианских миссионеров, то двадцать первый может стать веком конституционных миссионеров», — рассчитывает Дональд Горовиц [62, р. 16], вероятно, искренне видя себя в качестве такого миссионера, а представляемую им американскую конституционно-правовую школу — миссионерским центром, призванным продвигать свою модель в другие страны. В деятельность «по продвижению конституционной демократии» включились посольства и неправительственные организации, в ходе этого процесса применяются инструменты «цветных революций» и прямого волевого вмешательства.

Подобное продвижение противоречит как принципам международного права, так и подходам настоящей компаративистики, предполагающей, что проектирование современных конституций должно основываться на серьезном международно-компара-

тивистском подходе. Международном — в том смысле, что оно предполагает и поощряет участие экспертов и практиков из иностранных государств, компаративистском — поскольку при конституционном проектировании активному сравнению и учету подлежат опыт иных стран, находившихся в схожих условиях.

Такой подход был реализован при разработке Конституции Российской Федерации 1993 года. Международно-компаративистский подход столь заметен, что позволяет политически ангажированным авторам утверждать как минимум заимствованный характер конституционных институтов и используемых теорий. Исключительно ярко этот примитивный подход демонстрирует многократно цитируемая в отечественной правовой литературе ссылка на мнение «французского специалиста по государственному праву Желара», который «определил в основе нетипичной российской конституции доли западных образцов в следующей пропорции: «влияние французской конституции — на 50%, американской — на 30%, а российского имперского наследия — на 20%» [47, с. 52–53]⁴.

Убеждение о доктринальной схожести российской и французских конституций стало расхожим взглядом. Возможно, кто-то видит в этом следование знаменитому прозрению Мари-Анри Стендаля, прошедшего в императорской свите Наполеона всю русскую кампанию 1812 года:

«Вот что, дорогой мой [сказал князь Коразов Жюльену Сорелю]... вы что... влюбились в какую-нибудь актрису?» Русские старательно копируют французские нравы, только отставая лет на пятьдесят. Сейчас [в 1830 г.] они подражают веку Людовика XV.

Не стоит сетовать на национальное унижение, во-первых, вероятнее всего, в Стендале говорила горечь за поражение Франции в войне, а во-вторых, французские нравы настолько симпатичны и приятны, что следовать им, пусть и с полувекowym опозданием, незорно.

В теоретико-правовом плане с подобным взглядом можно согласиться в той степени, в которой именно достижения французской конституционной доктрины можно признать основополагающими при разработке ведущих понятий и теорий конституционно-

⁴ Речь идет о докторе политических наук и докторе славяноведения Парижского университета сенаторе Патрике Желаре (Patrice Gelard).

го права. В конце концов французская Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 года сопровождала все 16⁵ конституций этой страны и ныне является одной из трех составных частей Основного закона Франции (наряду с Преамбулой Конституции 1946 года и собственно Конституцией Французской Республики 1958 года).

В то же время даже сходство многих моделей не говорит об их прямом заимствовании. Помимо теоретической необоснованности и несоответствия реальным историческим событиям утверждение о «гибридном» характере конституционных актов (будь то акты Российской Федерации или иных государств) чрезвычайно опасно, так как представляет конституционно-правовую систему страны как несвязный набор различных по происхождению и противоречивых по содержанию государственных и правовых институтов.

Несмотря на очевидность подобной опасности, следует признать, что ряд институтов конституционного права оказался наиболее податливым к заимствованию инородных элементов: это прежде всего системы судебного надзора и конституционного правосудия, а также избирательное право, особенно применительно к типам избирательных систем. Стоит проанализировать современное законодательство многих государств, чтобы согласиться с выводом: в каждом из таких государств стремление усовершенствовать избирательное право путем регулярной смены избирательных моделей, обращения к различным вариантам формирования органов государственной власти приводит к снижению доверия к выборам и формируемым на их основе органам власти. Также исключительно редко становятся успешными попытки привить заимствованные институты, если только не удастся органично вписать их в уже существующие модели государственной власти. Позитивные результаты имеют место лишь в тех случаях, когда разработанные и апробированные в одной государственно-правовой модели институты имплементируются с учетом уровня развития конституционно-правовой теории, их совместимости, соответствия интересам ведущих политических и общественных сил.

⁵ Количество французских конституций – вопрос дискуссионный: различные авторы называют от 14 до 17 собственно действовавших конституций и конституционных хартий, если же учитываются не вступившие в силу конституционные акты, их число доходит до 22.

При этом важно, что эти политические силы отдают себе отчет, что одинаковые правовые конструкции и схожие по правовому закреплению государственные институты в реальной жизни функционируют весьма различно. Кажущиеся универсальными правовые доктрины прочитываются и чувствуются разными народами весьма по-своему. Главное в другом, чтобы подобные универсальные институты не оставались лишь декором на фасаде государственности, а действительно выполняли роль несущих конструкций. Хотя и значение декора нельзя приуменьшать.

«Красота» в терминах конституции

Особая красота конституционного дизайна предстает тогда, когда в тексте Основного закона удается обеспечить емкость и содержательную глубину при минимальном использовании юридических формул и правовых доктрин. Если угодно, речь идет о принципе минимализма в конституционном дизайне: лаконичность используемых юридических средств для достижения целей конституционного регулирования, простота и ясность правовых форм. Конституционные положения должны быть априори доступны для понимания (хотя бы на самом элементарном уровне) каждым гражданином. Излишняя теоретическая сложность, вычурность или же громоздкость формулировок, предусмотренных конституцией процедур всегда приводят к понижению уровня доступности их восприятия, что имеет следствием рост недоверия.

Само понимание конституции как Основного закона, призванного урегулировать важнейшие общественные отношения, содержит в себе вектор стремления к лаконичности. Конституции, задуманные как рамочные регламенты для закрепления народного суверенитета, системы органов государственной власти и формы государственно-го устройства, представляют собой весьма небольшие по объему тексты: Конституция США состоит

из 7 статей, подразделенных на 21 раздел, дополненных первыми десятью поправками. Причем, вопреки ожиданиям, текст американской конституции не оперирует понятиями «суверенитет», «демократия», «народовластие».

Изучая понятие и сущность конституции как политико-правового документа, принято характеризовать их в материальном смысле как писанный акт, совокупность актов или конституционных обычаев. Как известно, не во всех странах конституция представляет собой единый правовой акт. Например, Конституция Австрии включает 14 конституционных актов, Израиля — 12 и Соглашение о секторе Газа, Швеции — 5. В Великобритании, которую обычно называют страной, не имеющей писаной конституции, тем не менее имеются многочисленные правовые акты, которые, не являясь кодифицированными законами, представляют по совокупности ее Конституцию. Важное значение в ней наряду с конституционными обычаями, часть из которых также нашла отражение в писаном праве, занимают такие акты, как Великая хартия вольностей 1215 года и Петиция о праве 1628 года, Билль о правах 1689 года и Акт об устроении 1701 года, акты о парламенте 1911 и 1949 годов, Акт о пэрстве 1963 года, Акт о расовых отношениях 1968 года, акты о народном представительстве 1949 и 1969 годов, Акт о местном управлении 1972 года и многие другие. Количество актов конституционного характера в Великобритании варьируется в трудах различных авторов от 10 до 350.

В Швеции роль ее Конституции выполняют четыре закона: Форма правления (1974), Акт о престолонаследии (1810), Акт о свободе печати (1949), Основной закон о свободе высказываний (1991). Аналогичная ситуация в Новой Зеландии, также не имеющей кодифицированного конституционного акта. Весомое оправдание отсутствию единого кодифицированного конституционного акта Израиля находят ортодоксальные евреи: Основной закон уже был дан евреям в виде заповедей Божьих Моисею.

Даже, на первый взгляд, монолитные конституции имеют нередко сложную структуру. Так, Конституцию Французской Республики образуют: а) собственно Конституция 1958 года; б) Декларация прав человека и гражданина 1789 года и в) преамбула Конституции 1946 года. В отечественной истории своей сложноставностью отличались Конституция РСФСР 1918 года, включавшая в себя в качестве первого раздела Декларацию прав трудящегося

и эксплуатируемого народа, и Конституция СССР 1924 года, состоявшая из двух разделов, первым из которых выступила Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик, вторым — Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Действующая Конституция Литвы 1992 года включает в себя конституционный закон «О Литовском государстве» от 11 февраля 1991 года и конституционный закон от 8 июня 1992 года «О неприсоединении Литовской Республики к постсоветским восточным союзам».

Лаконичность американской конституции передалась Конституции Японии, содержащей 103 статьи, чуть больше статей (112) в Конституции Норвегии. Нередко это объясняется достаточно высоким уровнем конституционного творчества и правосознания в современных государствах. В то же время еще более сжаты конституции Йемена (57 статей) и Саудовской Аравии (82 статьи). Отцы-основатели обозначенных конституционных актов не поддались «конституционной графомании».

Такое определение процессу разбухания конституционных текстов после Второй мировой войны дал Джованни Сартори (Giovanni Sartori) [70, p. 199], приводя в доказательство примеры Конституции Индии 1950 года (содержит 395 статей, дополненных перечнем детальных приложений) и Конституции Бразилии 1988 года, бьющую все рекорды размерами «телефонного справочника» (почти 42 тысячи слов): 245 статей в девяти разделах и 83 статьи переходных положений. Бразильская конституция «обещает рай на земле, но в итоге причиняет боль бедным»⁶. Действительно, «душевности» и «доброты» Конституции Бразилии хватает на всех: индейцам она гарантирует признание их социальной организации, обычаев и традиций, языков и верований, а также первоначальных прав на земли, которые они традиционно занимают; пожилым (старше 65 лет) — бесплатный проезд в общественном транспорте; сиротам и брошенным детям — субсидии; лицам моложе 18 лет — исключение из-под действия уголовного закона; животным — запрет на жестокое обращение с ними и т. д. С трудом уместилась в 331 статью Конституция Нигерии. Конституция Мексики оправдывает свой значительный объем стремлением включить в себя основные начала практически всех классических отраслей права.

⁶ Так оценил Конституцию Бразилии 1988 года министр социального обеспечения страны Антонио Бритто. Цит. по: *The Economist*, October 9, 1993, p. 45.

Выбор авторов конституционных текстов в пользу лаконичного дизайна или же «конституционной графомании» не подлежит никакому обоснованию, нельзя выявить взаимосвязь между степенью социально-экономического развития или уровнем развития конституционных школ либо политических систем. Нельзя объявить лаконичность чертой развитых демократий, а объемность конституционных текстов отнести к признакам развивающихся стран. Так, побить бразильский и индийский рекорды попытался проект Конституции Европейского союза, предложенный европейцам в качестве единого конституционного акта 9 октября 2004 года. Проект включал в себя 448 глав и более 60 тысяч слов. Попытка принять самый объемный конституционный текст в мире провалилась после негативного голосования по нему во Франции и Нидерландах.

Главное даже не в объеме самого текста, значительно важнее требование концентрации в конституционных актах только тех положений, которые регулируют важнейшие общественные отношения. Таковыми теория конституционного права признает отношения суверенитета, собственности, свободы, власти.

Следует отметить, что и классические конструкции конституционного дизайна не являются застывшими формами, их содержание переосмысливается и дополняется. В частности, послевоенные конституции нередко наполняли устоявшиеся к тому времени конституционные концепции новым содержанием и новым прочтением. Так, одной из самых авторитетных, а возможно, и одиозных, концепций, положенной в основу большинства моделей демократии, является теория народного суверенитета. В России, рассуждая о народовласти, как правило, говорят лишь о правах народа, о народном суверенитете.

В данном контексте весьма интересно прочтение этой теории в Конституция Японии 1947 года, которая даже объявляет народный суверенитет принципом, общим для всего человечества. Закрепляя монархический строй, Конституция Японии в статье 1 тем не менее утверждает положение, которое никогда не сможет себе позволить ни одна из европейских монархий: даже статус императора «определяется волей народа, которому принадлежит суверенная власть». Также ни в одной из европейских конституций нет главы, которая говорила бы о правах и обязанностях народа. Именно так называется глава III Конституции Японии 1947 года: «Права

и обязанности народа». Раскрывает суть такого явления, как «обязанности народа», статья 12 Конституции Японии:

Свободы и права, гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния.

Другим краеугольным камнем всего здания современного общества является «священное право собственности». Житейский опыт давно вывел формулу, что собственность обременяет (среди обременений собственника не только обязанность по уплате налогов, в исключительных случаях превращающаяся в «налог на роскошь», страховых взносов и т. п., но и необходимость поддерживать имущество в исправном, безопасном и пригодном для эксплуатации в соответствии с назначением имущества состоянии (ст. 210 Гражданского кодекса РФ). Разработчики Основного закона Германии 1949 года облекли этот житейский опыт в конституционную формулу: *«Собственность обязывает. Владение ею есть служение общему благу»*, а также ввели положение о возможности государства на основе закона принудительно отчуждать собственность, в том числе обобществлять земли, общественные ресурсы и средства производства «для общего блага» (статья 15).

Именно эти четыре блока общественных отношений (суверенитет, собственность, свобода, власть) подлежат закреплению в Основном законе, отражение иных вопросов в Основном законе следует признать конституционными излишествами.

Многочисленные и частые исключения из этого правила обосновываются либо значимостью тех или иных вопросов для государственности и экономики страны (например, учитывая особое значение Нила и Суэцкого канала для экономики страны, Конституция Египта 2014 года содержит отдельные статьи, посвященные защите этих объектов природы и инженерии), либо признаются историческими курьезами (Конституция Швейцарии 1999 года вводит особые налоги на карбюраторные двигатели и содержит детальную градацию и ставки в швейцарских франках «паушального сбора с тяжелого транспорта» весом более 3,5 тонн (статья 196 Главы 2 «Переходные положения»), а Конституция Бразилии 1988 года

регулирует порядок продажи жидкого и газообразного топлива (параграф 7 статьи 34 Акта о переходных конституционных положениях). Нередко конституционные излишества вызваны весьма благими побуждениями, как в Конституции Египта 2014 года, которая, стремясь гарантировать финансовое обеспечение развития социальной сферы, вводит минимальные нормативы государственных расходов на здравоохранение (не менее 3% ВВП, статья 18), образование (не менее 4% ВВП, статья 19), высшую школу (не менее 2% ВВП, статья 21), научные исследования (не менее 1% ВВП, статья 23).

И все же большинство конституционных актов тяготеет к структурной и содержательной простоте, что не отрицает использования высокого стиля, обращения к религиозным ценностям, историческому опыту, к символам и предметам национальной гордости. Наиболее распространенным является обращение к Святой Троице в конституциях христианских государств и к имени Аллаха в государствах ислама.

Если Конституция Греции 1975 года лишь кратко посвящает свое принятие «Во имя Святой, Единосущной и Нераздельной Троицы», то Конституция Ирландии 1937 года содержит развернутое обращение:

Во имя Пресвятой Троицы, от которой исходят все власти и к которой как к нашей последней надежде должны быть направлены все действия человека и Государства,

Мы, народ Эйре,

Смиренно признавая все наши обязанности перед нашим Священным Господином Иисусом Христом, который поддерживал наших отцов в столетиях испытаний...

Правда, и греческая Конституция еще раз отсылает к Святой Троице, указывая ее в тексте присяги при вступлении в должность Президента Республики:

Клянусь именем Святой, единосущной и нераздельной Троицы соблюдать Конституцию и законы, обеспечивать их точное соблюдение, защищать национальную независимость и территориальную целостность Родины, защищать права и свободы греков и служить общим интересам и прогрессу греческого народа.

Конституции ряда мусульманских государств содержат категории «гордость арабо-исламским наследием» (статья 8 Конституции Катара), «исламская социальная справедливость» (статья 7 Конституции Йемена), а целью образования Египетская конституция объявляет «построение египетского характера» и «поддержание национальной идентичности» (статья 19) и содержит такое определение Египта:

...часть арабской нации, и он укрепляет ее интеграцию и единство. Он является частью мусульманского мира, принадлежит к африканскому континенту, гордится азиатскими размерами и делает вклад в развитие человеческой цивилизации» [статья 1 Конституции Египта (Природа республики)].

«Основы системы власти» Саудовской Аравии 1992 года определяют:

Королевство Саудовская Аравия — суверенное арабское государство. Его религия — ислам, конституция — книга Всевышнего Аллаха и сунна его Пророка, да благословит его Аллах.

Во имя Аллаха приносят присягу главы государств, члены кабинетов министров, парламентарии (конституции Алжира, Египта, Сирии, Ирака, других арабских стран).

Интересное обращение к истокам демонстрирует Конституция Монголии: в целом не отличающаяся национальным колоритом в изложении и конструкции, в своей последней (70-й) статье приводит весьма оригинальное изложение даты ее вступления в силу, сделанное на основе рекомендаций ламаистских астрологов [9, с. 184]:

...с 12 часов дня 12 февраля 1992 года или в час Лошади благословенного дня Желтой Лошади, отмеченного узами молодости, девятого дня первого весеннего месяца Черного Барса (Тигра) года Водной Обезьяны семнадцатого шестидесятилетия.

Не без некоторого сожаления приходится признать, что принцип универсализации конституционно-правовых текстов делает использование подобных национальных орнаментов довольно редким явлением. Определенный оптимизм вселяет анализ

новых конституций. Конституционные акты различных государств XXI века демонстрируют все большее внимание к национальным особенностям, их тексты наполняются яркими метафорами и труднопереводимыми символами. Но даже в этом тренде выделяется Конституция Египта 2014 года, утверждающая в своей преамбуле:

Египет — это дар Нила⁷ и дар египтян человечеству.

Одаренная уникальным местоположением и историей, арабская нация Египта является сердцем всего мира. Это точка пересечения цивилизаций и культур и пересечение морского транспорта и коммуникаций. Это оконечность Африки в Средиземноморье и устье самой великой реки Нил.

Это Египет, бессмертная родина египтян и послание мира и любви всем народам.

В начале истории наступил рассвет человеческого сознания и просиял сердца наших великих предков, объединяя их благие намерения для построения первого центрального государства, которое регулировало и организовывало жизнь египтян на берегах Нила. Именно здесь они создали самые невероятные чудеса цивилизации, именно здесь их сердца обращались к небесам до того, как мир узнал три богооткровенные религии.

Египет — это колыбель религий и знамя процветания богооткровенных религий. На его земле росли храмы, возник свет Господа и послание спустилось на горе Синай.

На его земле египтяне встретили Девственницу Марию и ее ребенка и принесли в жертву тысячи мучеников в защите Церкви Иисуса. Когда Печать Пророка Мухаммеда (да пребудет с Ним Мир и Благословение) была отправлена всему человечеству для улучшения морали, наши сердца и умы были открыты свету Ислама. Мы были лучшими солдатами на земле в борьбе за дела Господа, и мы распространяли послание истины и религиозные науки во всем мире.

⁷ Утверждая «Египет – дар Нила», Конституция Египта повторяет классическое определение историка Геродота Галикарнасского, жившего в V веке до н.э.

Критерии анализа феномена «конституционный дизайн»: эмпирические и эстетические правила

Конституционный дизайн невозможно определить как некий универсальный для всех ситуаций и стран набор принципов, технологий или как типовую конституционную архитектуру, которые можно выработать, установить, а затем механически применять. Однако многие исследователи все же выделяют некоторые фундаментальные принципы, в соответствии с которыми должен осуществляться конституционный дизайн. Суммирование идей ведущих авторов, исследовавших категорию «конституционный дизайн», позволяет выделить некий перечень критериев к анализу данного феномена:

- а) прежде всего важно отметить, что «речь идет не о страноведческих моделях..., не о классификациях с точки зрения структуры, порядка принятия и изменения конституции, ее юридических признаков, а о более широком и сущностном подходе... Конституционная модель характеризует определенный социально-политический подход к объекту, содержанию и способам конституционного регулирования общественных отношений, к использованию

в этих целях тех или иных конституционно-правовых институтов» [44, с. 16];

- б) конституционный дизайн представляется способом формирования системы связей между политическими взглядами, идеями, сложившейся в обществе политической культурой, государственнымными и социальными институтами. Даже минималистские концепции демократии, по утверждению Адама Пржеворски, не устраняют необходимость думать об институциональном дизайне [68, р. 12–17].

Ключевые вопросы конституционного дизайна: действительно ли конституции имеют значение для перспективного развития, а также имеют ли индивиды реальную возможность улучшить свое положение, согласившись на определенный набор правил [52, р. 104]? На эти вопросы, сформулированные К.Л. Догерти и Дж. Эдвардом, находим ответ в работе Р. Конглтона и Бр. Сведенборг: конституционный дизайн потенциально способен значительно улучшить демократическое управление государством за счет создания и совершенствования равновесных стратегий согласования полномочий и статусов выборных должностных лиц с долгосрочной политикой, соответствующей интересам избирателей [50, р. 1–40]. Схожую версию дает Дональд С. Лютц, согласно которому конституционный дизайн требует особого внимания к структуре публичных интересов и характеру групп населения по интересам, а также учета возможных последствий конституционного дизайна для будущих поколений [66, р. 206];

- в) конституционный дизайн обуславливается политическими и культурными ценностями государства и общества. Согласно Р. Симеону, он представляет собой процесс и результат формирования и структурирования институтов и норм таким образом, который обеспечивает стимулирование поддержки и содействия управлению определенными ценностями, а также ограничивает поведение, способное их подрывать [72, р. 241–261]. Аксиомой политики является положение, в соответствии с которым народ никогда не должен разрешать своим правителям делать что-либо, что может работать в дальнейшем во вред народу. Данная аксиома также является принципом конституционного дизайна, в соответствии

с которым при разработке конституции должна быть исключена даже сама возможность злоупотребления властью⁸;

- г) конституционный дизайн всегда результат обсуждения и анализа вопроса: какие задачи и какие функции государство и его институты выполнят наилучшим образом, что является именно их прерогативами, а что может быть отнесено к полномочиям структур гражданского общества, бизнеса, капитала? Также исключительно важно для понимания конституционного дизайна определение процедур наделения функциями и полномочиями тех или иных государственных институтов.

Джеймс М. Бьюкенен и Гордон Таллок обосновывают, что конституционный дизайн является своего рода итогом сопоставления затрат государства и частного сектора в отношении широкого спектра различной деятельности для определения того, какие именно виды деятельности из этого широкого спектра должны быть поручены конституцией государству [49];

- д) важным принципом конституционного дизайна является требование, в соответствии с которым конституция должна быть написана теми, кто будет жить в соответствии с ее положениями, а не какой-либо внешней группой экспертов, а также должна быть одобрена людьми, которым предстоит жить в соответствии с ее положениями, а не философами и мыслителями. К принципам конституционного дизайна также относится то, что при создании институтов осуществления народного суверенитета вовсе не необходимости стремиться к достижению самого лучшего результата, который только возможен при конкретных обстоятельствах, поскольку идеальная политическая система все равно не сможет функционировать на Земле, и стремление к ее достижению сможет породить только фанатизм, а не правосудие [66, p. 186];

- е) и все-таки основным в теории конституционного дизайна становится разработка конструкции институтов, способствующих достижению целей общественного благосостояния. Подобный подход отстаивает Жан-Жак Лаффон [20], в трудах которого конституционный дизайн предстает как процесс оптимизации этого пути к общественному благосостоянию. В то же время институты, обеспечивающие продвижение общества по это-

⁸ Vermeule A. Precautionary principles in constitutional law // <<http://jla.oxfordjournals.org/content/early/2012/05/22/jla.las003.full.pdf>>. P. 1–42.

му пути — различные органы публичного управления — могут быть сформированы только и исключительно в ходе избирательных процедур [63, р. 649–669].

Отсюда — особое внимание при разработке принципов конституционного дизайна к процедурам формирования органов государственной власти и к правилам их функционирования (например, правил голосования, проведения выборов, регламентам, традициям, обычаям и обычкновениям).

В то же время можно согласиться с констатацией, что объективно существует крайне малое количество, если вообще существует, установленных эмпирических правил конституционного дизайна [72, р. 241–261]. Некий перечень юридико-технических правил конституционного дизайна предлагают Марианна Ключко и Питер Ордешук:

- *первое* правило заключается в том, что конституционные положения в идеале должны являться частью социального консенсуса, а также быть простыми и краткими, не обремененными излишней юридической сложностью;
- *второе* правило предполагает, что конституция в любом случае должна внести как можно меньше изменений в демократические традиции общества;
- *третье* правило гласит, что конституции должны быть направлены на установление тех институтов и прав, которые минимально необходимы для обеспечения способности общества к координации политических целей, определенных посредством таких механизмов, как демократические выборы. Иными словами, использование конституции в качестве средства социальной инженерии может угрожать ее роли средства политического координирования;
- наконец, *последнее* правило предполагает, что процессы разработки текста конституции и ее утверждения должны быть отделены друг от друга; подготовка самого документа в первичном варианте должна происходить вне поля зрения общественности, в то время как к его последующему утверждению должна быть привлечена как можно большая часть общества⁹.

⁹ *Klochko M., Ordeshook P.C. Toward a General Theory of Constitutional Design // 2nd joint conference «Initial conditions and the transition economy in Russia:*

Технико-юридическое требование о четкости и простоте конституционных положений обусловлено одним их базовых признаков конституции как Основного закона — признаком стабильности конституций. Стабильность конституций прежде всего обеспечивается не средствами внутренней (установленными в самом тексте) защиты — сложностью процедур внесения изменений и дополнений в текст, пересмотра конституции, а тем, что в нее изначально следует включать только те концепции, институты, доктрины, положения, в отношении которых в обществе если и не достигнут консенсус, то хотя бы имеется принципиальное согласие ведущих политических и общественных сил. Желательно, чтобы эти согласованные положения были максимально четко понимаемыми.

Как показывает история государственного (конституционного) права, есть некие положения, которые определяются раз и навсегда и не подлежат пересмотру. Подобные положения не могут быть изменены даже по желанию и волеизъявлению народа. Кстати, аналогичным образом закрепляется в Конституции Греции особый статус Греческой православной церкви, который также не подлежит обсуждению и изменению.

В ФРГ не подлежат пересмотру федеративный принцип устройства государства, принципы сотрудничества земель в области законодательства, а также такие основополагающие принципы, как защита достоинства человека, неприкосновенность и неотчуждаемость прав человека, демократический и социальный характер государства, народовластие, право на сопротивление всякому, кто пытается изменить конституционный строй, если иные средства не могут быть использованы. Аналогичные подходы используются и в других странах. Например, во Франции и Италии не подлежат пересмотру положения о республиканской форме правления, а в Греции — нормы, определяющие основы и форму правления государства как парламентарной республики, а также такие принципы, как уважение и защита личности, равенство перед законом, свобода личности, свобода совести, разделение властей.

При этом требование стабильности (содержательной устойчивости), в том числе и прежде всего в закреплении политической системы общества, конституции вступает в естественное противоречие с динамизмом современной жизни. Иосиф Бродский в своей

the weight of the past in comparative perspective». Houston, 2001. <<http://www.uh.edu/~pgregory/conf/Law.PDF>>. P. 11, 13, 14.

Нобелевской лекции 1986 года обозначил проблему исключительно ярко:

Политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающаяся навязать себя настоящему (а зачастую и будущему)... Философия государства, его этика, не говоря о его эстетике, — всегда 'вчера' [4, т. 2, с. 453].

Эстетика Конституции — это вопрос ее гармонии с обществом и политическим режимом в различные эпохи действия. Озадачимся вопросом: можно ли, признавая «вчерашность» любой закрепленной в конституции эстетики государства, стремиться к подобной гармонии или лучше признать и смириться с подобным отставанием? Ведущие государствоведы решают этот вопрос по-разному: А. А. Мишин соглашается, что «это, конечно, художественное, но довольно точное определение того бесспорного факта, что даже самая лучшая для условий своего времени конституционная система может начать сдерживать прогресс и мешать развитию общества, если в ней не заложена возможность изменения и приспособления к новым экономическим, политическим и иным условиям» [25, с. 49].

Утешающим фактором выступает отсутствие детерминированности политического режима конституционными нормами, четко отмеченное французским социологом М. Дюверже: «Любая конституция рисует не одну, а множество схем правления, построение которых зависит от расстановки сил в данный момент. Различные политические режимы могут... функционировать в одних и тех же юридических рамках» [53, р. 10]. Действительно, четвертьвековой опыт действия Конституции Российской Федерации 1993 года вообрал в себя различные политические режимы, в рамках которых функционировали весьма отличающиеся друг от друга модели президентской власти, были апробированы все допустимые конституцией принципы «формирования» Совета Федерации ФС РФ, различные модели построения системы органов исполнительной власти и т. д. Опыт новейшей истории России конца 1990-х годов знает примеры, когда изменения системы осуществления государственной власти, конкретная модель «системы разделения властей» определялись различными факторами, среди которых

влияние той или иной группы «олигархов», информированность, а то и состояние здоровья главы государства.

Как отмечает В. А. Мау, «авторитаризм российской Конституции весьма условен. Президент имеет в ней очень сильные позиции, но не является постоянно необходимым активным фактором политической, а тем более экономической жизни. Президент может быть активным, но не обязательно должен быть таким» [22, с. 301]. Конституция не просто дает необходимую гибкость политическому режиму, более того, в рамках неизменности текста конституции вполне можно проектировать различные по дизайну перспективы развития институтов парламентаризма, органов исполнительной власти, судебной системы.

Обосновывая значение конституционного дизайна для государства и общества, Т. Гинсбург полагает, что «хорошие дизайны (конструкции) могут облегчить демократию и приручить религиозных радикалов; они могут улучшать административный оборот и способствовать адаптации к новым обстоятельствам посредством конституционных поправок. Плохие дизайны (конструкции), с другой стороны, могут усугубить межобщинные конфликты и увековечить несправедливые условия для женщин, они могут блокировать переход к лучшим институтам и они могут закупорить каналы восстановления интересов граждан через суды» [73, р. 10].

В то же время подобная «художественно-декоративная» трактовка конституционного дизайна вступает в соприкосновение и некоторое противоречие с институциональным взглядом на этот феномен, согласно которому «конституционный дизайн является способом образования связей между политическими идеями, политической культурой, а также институциональным развитием в наиболее практических целях» [54, р. 23]. Видимое противоречие представляется вполне диалектическим, позволяет рассматривать конституционный дизайн в двух взаимодополняющих ипостасях:

- 1) как систему политико-правовых доктрин, конституционных и институциональных моделей, различных вариантов структурирования схемы разделения властей, государственного устройства, политических режимов. По сути, речь идет о конституционном дизайне как содержательной категории, наборе сущностных для данного государства и данного общества явлений;

- 2) как архитектуру, конструкцию Основного закона, исторически сложившуюся или избранную специально форму представления конституционно-правовой материи, ее выражения в нормативных актах. Здесь же иллюстрирующие эту конституционно-правовую материю образы и символы, избранные стиль и форма подачи конституционного материала. При этом не следует умалять значения формы не только как средства выражения содержания, но и как самооценности.

Несомненно, современный демократический конституционный дизайн претерпел значительные изменения. Внимательный сравнительно-правовой анализ современных конституций различных стран позволяет выявить много интересного: и существенные различия в концептах построения конституций — конституционный дизайн, и, напротив, заимствования проектировщиками конституций тех или иных подходов и даже формулировок — миграцию конституционных идей. Но недопустимо превращать процесс создания конституций в субботнюю поездку на склад компании IKEA.

Обращение к понятию «конституционный дизайн» и его производным приводит к философским размышлениям о том, что значит «быть» и «казаться» в конституционно-правовом смысле, к восприятию конструктивной правовой красоты закона и его отражения в зеркале реальной жизни. Четкие красивые юридические конструкции могут искажаться до уродливости в ходе правоприменительной практики. Но, как и применительно к другим человеческим феноменам, характеристика красоты конституционных моделей и конструкций не может быть сведена к некоему универсальному стандарту. Нет и не может быть некоей идеальной типовой формы для закрепления конституционно-правовой материи, так как конституционный дизайн призван отразить исторический опыт народа, охарактеризовать современное состояние государства и представить видение его будущего.

Послесловие: о конституционном дизайне без метафор

На 14-й венецианской биеннале архитектуры в 2014 году Австрия представила экспозицию-размышление «Пленум — места власти» о том, как экстерьер парламентов влияет на общество, и наоборот. На белоснежных стенах было представлено 200 белоснежных макетов зданий парламентов в масштабе 1:500. Анализ зависимости степени демократичности политического режима от обустройства парламентов устроители оставляли на усмотрение посетителей. А в 2016 году партнеры архитектурного бюро XML из Амстердама Давид Мюлдер ван дер Вегт (David Mulder van der Vegt) и Макс Коэн де Лара (Max Cohen de Lara) опубликовали книгу под названием «Парламент»¹⁰, посвященную раскрытию взаимосвязи архитектуры залов заседаний парламентов разных стран мира и политического процесса в этих странах. В ходе исследования авторы вывели феномен «архитектурной ДНК» и пришли к выводу, что форма зала достаточно полно отражает суть политического режима страны. Они поделили все залы заседаний на пять категорий по способу организации пространства: «круг», «полукруг», «подкова», «противостоящие

¹⁰ <http://www.parliamentbook.com/>

скамьи» и «школьный класс»¹¹. Предшественником вышеназванных архитекторов смело можно считать Сирила Н. Паркинсона:

Все мы знаем, чем отличаются друг от друга английские и французские парламентские учреждения и соответственно учреждения, происходящие от них. Все мы видим, что разница эта никак не связана с национальным характером, но проистекает непосредственно от расположения мест... Главное в британской системе — расположение мест. Если бы скамьи не располагались с двух сторон зала, никак не отличил бы истину от лжи и мудрость от глупости... Во Франции сразу совершили ошибку, рассадив народ полукругом, лицом к председателю... При полукруглом расположении образуются тончайшие оттенки правизны и левизны. Нет и следа нашей четкой разницы между правдой и неправдой [28, с. 28–29].

Нельзя исключать, что избрание французской палаты депутатов в качестве образца внутреннего устройства зала заседаний Государственной думы Российской империи в Таврическом дворце Санкт-Петербурга привело к схожим с французскими сложностями партийного строительства в дореволюционной России. Даже то, что «в зале заседаний на 560 мест каждому депутату предназначалось мягкое, обитое козьей кожей кресло с пюпитром из светлого дуба», а фирма «Ф. Мельцер и К» выполнила требования «не оснащать откидные столики углублениями для чернильниц: “А то будут ими бросаться!”» [10; 29, с. 95–107], не спасло Государственную думу от критики со всех сторон за ее неспособность реализовать ни замысел тех, кто способствовал ее появлению и становлению, ни чаяния различных слоев общества, видевших в ней инструмент переустройства государства.

Дизайн созданного в 1933–1934 годах из двух залов XIX века — Андреевского и Александровского — зала заседаний Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР как нельзя ярко олицетворял отсутствие парламентских начал. Зал разделили на две неравные прямоугольные части: меньшая — для руководящего президиума, авторитет которого подтверждался стоявшей за ним в высокой белой нише мраморной версией В. И. Ленина;

¹¹ Как архитектура отражает политический режим: масштабный анализ парламентских залов заседаний: <https://archi.ru/news/71048/>

и большая—расположенные уровнем ниже шесть прямых отсеков с креслами для депутатов. Здесь нет места полутонам «левизны» или «правизны». Важно увидеть из президиума руку, которая вдруг не поднимется в единодушном голосовании «за». Подобная форма в терминах голландских архитекторов получила название «школьный класс», учитель-президиум дает задания и спрашивает об их исполнении сидящих напротив него учеников-парламентариев.

«Прямоугольная» версия (справедливости ради следует признать небольшую степень закругления) нашла свое отражение в дизайне зала заседаний Государственной думы Российской Федерации при переоборудовании здания Госплана (Государственный плановый комитет Совета Министров СССР по адресу: улица Охотный ряд, д. 1) под парламентские нужды в 1994-м. Не исключено, что подобный конструктивный изъясн и вызвал к жизни афоризм про парламент как «не место для дискуссий». Эксперты в области парламентского дизайна и архитектуры парламентаризма с интересом ожидают, как будет выглядеть зал заседаний Государственной думы Российской Федерации после реконструкции 2018 года, предполагающей строительство купола над крышей парламента (трудно предсказать, будет ли это способствовать большей прозрачности работы депутатов) и полную перестройку зала заседаний по «форумному типу» с рассадкой депутатов полукругом¹².

¹² См.: Крышу Госдумы прикроют куполом. А депутатов рассадят полукругом// Коммерсантъ. 2018. 6 февраля.

Список литературы

1. *Анахин Т.В.* Институциональный дизайн России: эволюция общественной системы и социальная трансформация // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 6. 129–133 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. *Борисов Н.А.* Институциональный дизайн государств Центральной Азии в процессе трансформации политических режимов: случаи Узбекистана и Кыргызстана // Политическая наука. 2014. № 1. С. 159–180.
4. *Бродский И.* Форма времени: в 2 т. Минск, 1992.
5. *Воеводин Л.Д., Златопольский Д.Л., Куприц Н.Я.* Государственное право стран народной демократии. М., 1960.
6. *Глазычев Л.* О дизайне. Очерки по теории и практике дизайна на Западе. М.: Искусство, 1970. 108 с.
7. *Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В.* «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. № 1. 2002. С. 6–15.
8. *Гудошников Л.М. и др.* Государственное право стран народной демократии. М., 1961. 572 с.
9. *Гуреева Н.П.* Некоторые вопросы развития конституционализма в Монголии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 5. С. 182–188.
10. Дневник Смирновой-Сазоновой С. И. Январь—сентябрь 1906 г. // Рукописный отдел Института русской литературы и искусства Российской академии наук. Ф. 285. Оп. 1. Д. 48.

11. *Дурденевский В.Н.* Послевоенные конституции Запада. Ленинград: Гос. изд-во. Вып. 1, 1924.
12. *Егорова Т.В.* Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014.
13. *Ильинский И.П., Щетинин Б.В.* Государственное право стран народной демократии. М., 1964.
14. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Норма, 2011.
15. Конституционное право социалистических стран. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1963.
16. *Краснов М.А.* Постсоветские государства: есть ли зависимость политического режима от конституционного дизайна? // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2 (99). С. 29–45.
17. *Курицын В.М., Шалягин Д.Д.* Опыт становления конституционализма в США, Японии и Советской России. М.: Академический Проект, Трикста, 2004. 496 с.
18. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 25–43.
19. *Лассаль Ф.* О сущности конституции. Речь, произнесенная в одном берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году. СПб., 1906.
20. *Лаффон Ж.—Ж.* Стимулы и политэкономия. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008. 311 с.
21. *Макарецев А.А.* Всенародное обсуждение Конституции СССР 1936 года как этап легитимации сталинского законодательства // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2006. Т. 2, Вып. 2. С. 28–38.
22. *Мау В.А.* Экономика и власть: опыт посткоммунистической трансформации. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М.: Дело, 2017. 352 с.
23. *Медушевский А.Н.* Как Сталину удалось обмануть Запад: принятие Конституции 1936 года с позиций политического пиара // Общественные науки и современность. 2016. № 3. С. 122–138.

24. *Медушевский А.Н.* Экспорт конституционализма: американская модель в Японии и Германии//Космополис. 2006. № 1.
25. *Мишин А.А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М.: Статут, 2013. 520 с.
26. *Мухаметов Р.С.* Региональный политический режим: институциональный дизайн (на примере Свердловской области)//Дискурс-Пи. 2015. № 1. С. 134–137.
27. *Никонов В.* Конституционный дизайн//Современная российская политика: курс лекций. М., 2007. 418 с.
28. *Паркинсон С.Н.* Законы Паркинсона: сборник/пер. с англ.; сост. и авт. предисл. В.С. Муравьев. М.: Прогресс, 1989. 448 с.
29. *Патрикеева О.А.* Второе рождение Таврического: перестройка помещения дворца для работы Государственной думы Российской империи//Новейшая история России. 2016. № 2. С. 95–107.
30. *Петрухина М.А.* Конституционный дизайн и консолидация демократии в странах третьей волны демократизации//Политическая наука. 2012. № 3. С. 214–247.
31. *Погулич О.В.* Институциональный дизайн антикоррупционной политики в субъектах Байкальского региона Российской Федерации//Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 81–84.
32. *Понкин И.В.* Гомеостаз системы государственного управления//Государственная служба. 2018. № 3.
33. Популярная художественная энциклопедия / под ред. В.М. Полевого. М.: Советская энциклопедия, 1986. 447 с.
34. *Порошин А.В.* Влияние конституционного дизайнера на устойчивость однопартийного доминирования//Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2017. № 1. С. 87–97.
35. *Ронин С.Л.* История разработки, утверждения и развития «сталинской» конституции. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 143 с.
36. *Сапронова М.А.* Арабский Восток: власть и конституции. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 216 с.

37. Словарь иностранных слов / 18-е изд., стер. М.: Русский язык, 1989. 624 с.
38. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Междунар. отношения, 2002. 448 с.
39. Степанов Д. И. Идеологическая нейтральность институтов конституционного дизайна // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 3 (118). С. 46–704.
40. Сулов Е. В. Институциональный дизайн как фактор институционализации политических конфликтов (на примере Эстонской Республики) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 1. С. 246–253.
41. Тертышный С. А. Институциональный дизайн модернизации российской экономики и общества // Проблемы современной экономики. 2013. № 3–4 (47–48). С. 36–41; С. 72–76.
42. Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей / пер. с нем. М.: Художественная литература, 1937.
43. Франкенберг Г. Сравнительный конституционный дизайн / пер. с англ. Д. Шустрова // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5.
44. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 319 с.
45. Ханс-Адам II, Правящий князь Лихтенштейна. Государство в третьем тысячелетии / пер. с англ. А. Б. Мухаметшина. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
46. Шахрай С. М. О конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М., 2013. 919 с.
47. Шнайдер Э. Политическая система Российской Федерации / пер. с нем. М.: ИНИОН РАН, 2002. 264 с.
48. Юдин Ю. А. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Междунар. отношения, 2002. 446 с.

49. *Buchanan J.M., Tullock G.* The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.
50. *Congleton R.D., Swedenborg B.* Introduction: Rational Choice, Politics, and Political Institutions: Toward a Science of Constitutional Design//Democratic Constitutional Design and Public Policy: Analysis and Evidence /Ed. by R.D. Congleton, B. Swedenborg. Cambridge: MIT Press, 2006. P. 408–435.
51. Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?/Ed. by S. Choudry. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008.
52. *Dougherty K.L., Edward J.* The Calculus of Consent and Constitutional Design. New York: Springer, 2011. 117 p.
53. *Duverger M.* Echec au roi. P. Michel, 1978.
54. *Elazar D.J.* The Principles and Traditions Underlying State Constitutions//Publius. 1982. Vol. 12. No. 1. P. 11–25.
55. *Elster J., Offe C., Preuss U.K.* Institutional Design in Post-Communist Societies. Rebuilding the Ship at Sea. Cambridge. New York: Cambridge University Press, 1998. Pp. xii. 350 p.
56. *Frankenberg G.* Order from Transfer: Comparative Constitutional Design and Legal Culture. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2013. 366 p.
57. *Frankenberg G., Tom Ginsburg* (ed.). Comparative Constitutional Design. Cambridge University Press, 2012. Pp. xi, 393 pages//International Journal of Constitutional Law. Vol. 11. 2013. No. 2. P. 537–542.
58. *Gelard P.* Les specifics constitutionnelles Russes//L'etat et le droit d'est en ouest. Melanges offerts au professeur Michel Lesage. P., 2006.
59. *Ginsburg T.* Comparative Constitutional Design. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2012. Pp. xi. 393 p.
60. *Ginsburg T., Huq A.* Assessing Constitutional Performance. New York: Cambridge University Press, 2016. 442 p.
61. *Ginsburg T.* Introduction//Comparative Constitutional Design/T. Ginsburg (ed.). Cambridge University Press, 2012. xi. 393 p.
62. *Horowitz D.L.* Constitutional Design: Proposals Versus Processes//The Architecture of Democracy: Constitutional Design, Conflict Management,

- and Democracy/Ed. by A. Reynolds. New York: Oxford University Press, 2002. 507 p.
63. *Laffont J.—J.* Political economy, information and incentives//European Economic Review. 1999. Vol. 43. P. 649–669.
64. *Lijphart A.* Constitutional Design for Divided Societies//Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. No. 2. P. 96–109.
65. *Louis M.* Imbeau, Steve Jacob. Behind a Veil of Ignorance? Power and Uncertainty in Constitutional Design. Springer International Publishing. Studies in Public Choice, Vol. 32, 2015. 243 p.
66. *Lutz D.S.* Principles of Constitutional Design. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2006. 261 p.
67. *Pitkin, Hanna Fenichel.* The Idea of a Constitution//Journal of Legal Education. 1987.
68. *Przeworski A.* Minimalist Conception of Democracy: A Defense//The Democracy Sourcebook/Ed. by R. Dahl, I. Shapiro, J. A. Cheibub. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2003. 556 p.
69. *Ro Joseph Barton Starr.* The United States Constitution: Its Birth, Growth and Influence in Asia. Hong Kong University Press, 1988.
70. *Sartori Giovanni.* Comparative Constitutional Engineering. An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. Macmillan Press LTD, 1994.
71. *Shugart M.S., Carey J.M.* Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics. New York: Cambridge University Press, 1992. 332 p.
72. *Simeon R.* Constitutional Design and Change in Federal Systems: Issues and Questions//The Journal of Federalism. 2009. Vol. 39. No. 2. P. 241–261.
73. *Tom Ginsburg* (ed.). Comparative Constitutional Design. Cambridge University Press, 2012.

Научное издание

Заказное издание

Серия «Научные доклады: государство и право»

Игорь Нязбеевич Барциц

Конституционный дизайн

Образ государства и образ эпохи

Выпускающий редактор *Е.В. Попова*

Корректор *Г.А. Лакеева*

Художник *В.П. Коршунов*

Оригинал-макет *О.З. Эллов*

Верстка *В.В. Вишняковой*

Подписано в печать 17.07.2018. Формат 60x90/16.

Гарнитура PT Serif Pro. Усл. печ. л. 3,75.

Тираж 500 экз. Заказ № 845.

Издательский дом «Дело» РАНХИГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82

Коммерческий центр: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02

www.ranepa.ru

delo@ranepa.ru

Интернет-магазин

www.delo.ranepa.ru

Отпечатано в типографии РАНХИГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82